

До храма мы добирались долго. Шли пешком по мощеным тротуарам, практически на другой конец центрального квартала, не торопясь приветствовали всех Леди, которые в большом количестве попадались нам по пути.

Честно сказать, если бы не Фэй-Фэй, я бы уже не вспомнила добрую половину имен. Я устала приседать, кивать, устала сиять улыбкой. Все темы сводились к двум вещам: почему я жива, если из меня по слухам уже сделали умертвие, и когда вернется сир Блау. Дядя был чистокровен, свободен, силен, и ...неуловим, как всадники Дикой охоты. Про браслеты никто не спрашивал – не вежливо, все просто неприлично косились – неужели действительно Эпоха грани? Как вульгарно! Я утром специально подбирала верхний халат-кимоно к платью с немного укороченными рукавами. Свет в мешке не утаишь. Браслеты варварскими кандалами светились на тонких запястьях.

Было жарко, солнце припекало совсем не по осеннему, и мы по пути, то и дело, сворачивали в манящий тенек магазинов: книжная лавка, ювелирный, торговые ряды. Я выбрала пару книг для Нэнс, ее любимые романы, чистые прописи и блокноты, чтобы вести дневник исследований чар, несколько пакетов специй для Маги, и смешную подвеску для Акселя.

Когда Фэй-Фэй посчитала, что миссия показать Блау обществу выполнена, мы свернули на узкую боковую улочку, чтобы срезать путь.

В этот момент у меня опять прокололо под лопаткой, пульс забился в горле, а живот свело от страха – опасность. Все думают, что на войне выживают смелые или сильные. Все ошибаются. Выживают – трусливые, те, кто больше всего боится, кто ходит и спит чутко, кто привык слушать свою интуицию, и использовать страх в качестве индикатора. Страх то чувство, которое помогает сохранить голову на плечах целой. Здоровое чувство здорового человека, как сказала бы магистр Лексия.

Улица за моей спиной была пуста, алариец собран, Фэй-Фэй трещала что-то свое. Я пыталась уловить направление опасности, но получалось так, что она придет...с неба, не с крыш, а именно с безоблачно голубой синевы небес.

Для скрепления клятвы мы выбрали храм Великого.

Рассказывают, что триста зим назад в нашем Пределе была жуткая засуха. Пересыхали реки и озера, сгорала трава, падал скот. И собрались люди, и три дня молились Великому и три ночи, и явил Великий милость, и пошел дождь. И с тех самых пор Великий один из самых почитаемых богов большого пантеона у нас на Севере. В столице больше почитают Мару, одной рукой дарующую, другой отнимающую, на востоке верят в бога удачи Немеса.

В храмах Великого не говорят. Все церемонии происходят молча. Не говорят жрецы и не говорят пришедшие искать истину, и даже молитвы и те произносятся только про себя.

Я всегда считала, что жрецов Великого набирают с зачатками эмпатического дара, а иначе каким образом они так точно считывают намерения просителей?

Именно поэтому мы выбрали храм Великого, здесь от жреца практически ничего не зависит, он лишь проводник Воли. Либо Великий рассмотрит и взвесит наше намеренье, свяжет наши судьбы побратимством и по ступенькам храма спустятся уже две названные сестры, либо...

Обряды храма Великого нельзя подделать, оспорить или расторгнуть, в отличие от более простых клятв, которые дают жрецу в присутствии толерантной Мары или хитрого Немеса.

Наш Кернский храм мне всегда нравился своей простой и большим количеством внутреннего свободного пространства, высокие арки входов, летящие анфилады перекрытий под самым потолком. Все военные почитают Великого. Он дает силы и доблесть, и дланью своей закрывает воина от врагов. Простой храм, простые молитвы. Его еще называли богом, близким к народу, потому что его почитали все – крестьяне, ремесленники средней руки, военные и аристократы. Часто можно было встретить картину молящихся плечом к плечу Высокого сира и простого бродягу. Это был бог для всех, именно за это его так не любили в столице. Почитать Великого в среде имперской аристократии было непопулярным и даже немного стыдным, как нечто устаревшее и крайне немодное.

Нас с Фэй-Фэй разделили на входе. Сначала мы должны очиститься и отдельно сообщить Великому о своих намерениях, и только потом проходить ритуал.

В моем зале было всего несколько человек. Военный, какой-то торговец в одежде восточного купца и несколько ремесленников. Зал по размерам был больше нашего дуэльного в поместье. На постаменте, там, где богам обычно ставят статуи, искрилось и горело вечное серебристое пламя, высотой в два моих роста. Статуй Великий тоже не признавал. Я никогда не задумывалась о природе этого пламени и его источнике, но как говорили в писаниях, когда погаснет пламя Великого наступит конец этого мира.

У нас в легионе была традиция почитать павших.

Счёт исчислялся тысячами и не упомянуть всех лиц, поэтому мы зажигали просто шестнадцать. Ровно шестнадцать огней для павших шестнадцатого легиона, чтобы никто не был забыт. Я не знаю, как часто ходили в храм наши, но мы с целителями выбирались раз в две декады. Этот ритуал успокаивал и позволял, наконец, отпустить тех, чьи лица снились каждую ночь, всех, потерянных на операционном столе и на поле боя. Всех, кого спасти не смогли.

Я закрыла глаза и приложила сжатый кулак к груди: «Салютую шестнадцатому. Покойтесь с миром...Великий, дай мне сил, не допустить этого ещё раз...».

От большого пламени в центре зала отделилась небольшая стайка огней. Светящиеся огоньки в воздухе мигнули и сами сложились в знакомый знак штандарта шестнадцатого легиона – круг в треугольнике и око. «Зрящие Севера», стоящие на грани. Седовласый мужчина справа в военной форме поднял голову, но я знала, что он ничего не скажет. О том, что было в храме Великого, молчат.

После уединенной молитвы нас с Фэй проводили вглубь, в маленький внутренний сад к жрецу. Мне у Великого всегда нравилось то, что многие обряды проходили на природе, под открытым небом, потому что ему так виднее с небес. В храме Мары, например, всегда было сумрачно, темно и тускло, чадили свечи, тянулись заунывные песнопения.

Жрец, одетый в простой оранжевый халат, сидел на толстой плетеной циновке в саду камней, повернувшись лицом к вечному огню Великого, который плясал на маленьком алтаре. Справа вода негромким водопадом стекала в небольшой округлый пруд, с водяными лилиями. Такие внутренние садики шли по всему кругу храма, в каждом из которых посетителей приветствовал отдельный жрец. В центре храма был особый круглый амфитеатр для больших торжеств.

Здесь все излучали ровную безмятежность и доброжелательность, и только Фэй-Фэй вспыхивала нетерпением на заднем фоне.

Мы сели на циновки напротив, аккуратно расправив юбки, и вместе протянули руки к алтарю, переплели пальцы, соприкоснувшись перстнями так, что сила вспыхнула крошечными

серебристыми искорками и зарядила воздух запахом грозы.

От вечного огня отделилась узкая серебристая лента силы и обвилась вокруг наших запястий, соединив нас с Фэй вместе. Я не знаю, что про себя шептала Фэй-Фэй, а я просила только об одном – дать возможность помочь, защитить, и вернуть тот долг, который я не смогла отдать роду Ву в той жизни. Лента вспыхнула и погасла.

Жрец открыл глаза и улыбнулся.

Все получилось. Великий скрепил наши клятвы, сестра.

Погода испортилась. Когда мы заходили в храм светило солнце, сейчас внезапно набежали тучи, тени стали резче, ветер холоднее.

Служка догнал нас на ступеньках и молча, с поклоном сунул мне в руку свёрток, перетянутый простой бечевкой. Уже за оградой храма, в проулке, где нас ждал алариец, я развернула дар. Фэй-Фэй даже немного подпрыгивала от любопытства и нетерпения.

На тонкой суровой нитке покачивался деревянный кругляш амулета с выжженным символом Великого. Такие круляши иногда носили солдаты легиона. Как Великий выделял людей и почему одаривал их милостью, не знал никто. Они действовали по принципу одноразового артефакта – выдерживали один направленный удар, защищая владельца. Передавать кругляши было бессмысленно – в чужих руках они не работали.

Я одела его через голову, отправив благодарность Великому, и сразу почувствовала себя спокойнее. Защита это всегда хорошо, знать бы ещё от чего? Молнии? Стихия земли? Вода? Огонь...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/23579/486824>